

93-5444
зз п.и.

8

57-60

НОВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ТЕЛЕФОНЫ:

РЕДАКЦИИ — 151-28, 647-42, 676-99 и 417-60.
ГЛ. КОНТОР — 151-26.

АДРЕСЪ редакции — Садовая пер. 6.
гл. конторы — Лиговская, 111-112.
Редакторъ принимаетъ для личныхъ объясне-
ний ежедневно отъ 1 до 2 час. днъ.
Секретарь — отъ 10 до 1 час. днъ.

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

3 втс. — 23 р. — .
2 " — 15 " 60 "
1 " — 8 " "

ПЕРЕМЪНА АДРЕСА — 1 РУБ.

Подпись архивиста «Дом ПЛЕХАНОВА»

Издание сотрудниковъ „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ”

№ 5344

листов 103

част № 57

№ хран. 62.19.1

№ 78. Среда, 5 июня (23 мая) 1918 г.

Рукописи не возвращаются. Статьи безъ
определения условий оплачиваются по
усмотрѣнию редакции.

Цѣна
отдѣл. № 35
к. 40 коп.

ПРОБОДЕННЫЙ.

Воспроизваниј А. В. АМФИТЕАТРОВА.

Когда на Старгородскомъ кладбищѣ опускали въ могилу прахъ великаго въ своемъ родѣ, борца за правду, протопопа Савелія Туберозова, загнаннаго въ могилу кривдою губернаторовою, архіереевъ и консисторской чиновничьей сволочи, то вѣшній духъ страдальца сошелъ на безхитростнаго друга его, малоумнаго, лишеннаго дара слова, старого дьякона Ахиллу... И спросилъ дрожащій отъ горя Ахилла—впервые въ жизни—спросилъ себѣ «слова самаго малаго...» И, действительно, вырвалось изъ богатырской труды его совсѣмъ «малое слово»: только на два короткіе текста и достало вдохновенія у бѣднаго Ахиллы... Но тексты эти были:

— Въ мірѣ бѣ—и міръ его не позна!
— Но возрять наль, его же прободоша!

И, подъ неожиданнымъ громомъ страшнаго обличія, опустилъ долу смушенные, слишкомъ поздно покаянныя, глаза пристыженій, встревоженный, грѣшный Старгородъ...

Казалось бы, нѣтъ ничего общаго между какимъ-то тамъ захолустнымъ протопопомъ, который консисторіей былъ преслѣдуемъ, какъ революціонеръ, а революціонерами терзаемъ, какъ черносотенецъ, и всемирно известнымъ вождемъ и творцемъ (подчеркиваю это слово) русскаго соціализма, каковъ Г. В. Плехановъ. Однако, когда вчера ночью В. М. Дорошевичъ телефонировалъ мнѣ о кончинѣ его, въ испуганной, взволнованной, потрясенной душѣ моей, сами собою, возникли и застонали тѣ самые горькія слова, возносящія подойную, прѣнижалощія живыхъ:

— Въ міръ бѣ — въ міръ его не позна, и возвратъ на нь его же прободоша!

Официально смерть Плеханова будеъ показана въ некрологахъ, какъ вполнѣ нормальная кончина человека, преступившаго порогъ шестидесятилѣтняго возраста, отъ давняго туберкулеза. Но вѣдь это же вздоръ. Когда въ октябрѣ 1916 года, на вокзатѣ въ Генуѣ, Г. В. Плехановъ провожалъ меня, уѣзжавшаго въ Россію, отъ былъ здоровъ, чѣмъ когда-либо за двѣнадцать лѣтъ нашего знакомства. Это лицо, его взглядъ были послѣдними родными впечатлѣніями, которыя увезъ я изъ дорогой моей — не знаю теперь, возвращатной ли когда-нибудь, — Италии... Мы провели тогда два дня съѣсть, вѣвоемъ. Георгій Валентиновичъ былъ полонъ жизни, мудрости, блестящихъ мыслей, величественаго остроумія. Запасъ жизненныхъ силъ кипѣлъ въ немъ еще громадною мощью. Медленный туберкулезный процессъ не скоро справлялся бы съ нимъ, въ условіяхъ итальянскаго климата, сравнительного спокойствія и того бдительнаго, великодушнаго медицинскаго ухода, которымъ окружали Г. В. его супруга, Розалія Марковна, и дочь, Лидія Георгіевна, обѣ женщины-врачи. Тамъ, въ чередованіи Женевы и Санть-Ремо, Плехановъ, конечно, прожилъ бы еще лѣтъ десять. Петроградъ уничтожилъ его въ одинъ годъ.

— Еще бы! Нашъ климатъ не для чахоточныхъ! — скажутъ охотники до формальныхъ отписокъ: на петроградскомъ климатѣ такъ легко отѣхать отъ ответственности за убийство туберкулезнаго...

Не думая, написалось слово. Подумавъ, не возьму его обратно. Жизнь Плеханова, по возвращеніи его въ Россію, обращена была благодарнымъ отечествомъ въ медленное убийство.

Что климатъ! Противъ климата петроградскаго есть климатъ финляндскій, крымскій, есть уходъ лобящей жены, есть внимательная и старательная помощь искусныхъ врачей. Они—его же, Плеханова, идеиные ученики и понимали, кого они лѣчать, чью жизнь отстаиваютъ... Но никакой климатъ, никакой уходъ, никакая помощь не въ состояніи спасти человѣка святой мысли и чистаго сердца, когда его душу обратили въ иллюминатъ для произволящихъ, кругомъ обгадили его идеаль, завѣтную мечту превратили въ циничное слово, богиню заперли въ западеніе, смѣшавшее въ себѣ прелести домовъ сумасшедшаго, публичнаго и арестнаго... Не отъ туберкулеза умеръ Плехановъ, а отъ горя. Отъ горя по Россіи, которая умираетъ отъ политическаго туберкулеза (если не сифилиса) и, еще заживо разложилась на части въ гангренѣ... излѣчимой ли?

Когда Плехановъ прибылъ въ Россію, предъ нимъ склонились русскія знамена и войска взяли ружья на караулъ. За это краткій мигъ свиданья онъ заплатилъ годомъ тяжкаго, оскорбительнаго страданья.

И, быть можетъ, приклады тѣхъ же ружей толкали большого старика въ поганый день и часъ, когда къ нему ворвались съ обыскомъ, направленные кѣмъ-то, матросы... Соціалисты, которые даже не знали, кто такой Плехановъ!

А кто знаетъ? Можеть быть, умирая, онъ, втайне, и жалѣлъ, зачѣмъ избавился тогда... Потому что, какъ ни ужасно было уже и то время, но, все же, Россія еще не доходила до конечныхъ гробинъ изгора и бѣствій, которыхъ суждено бы-

бозора в съдьбы, которых будто бы
же видѣть умирающимъ глазамъ Георгія
Валентиновича, передъ тѣмъ, какъ сме-
жились съи, отравленные ядомъ русской
скорби, въ курортѣ отторгнувшейся отъ
Россіи, разсыпавшій на Россію Фин-
лянді... А ей-то, ей-то, въ свое время,
сколько отдано было покойнымъ могучей
освободительной мысли и сердечнаго огня!

Срокъ лѣтъ вдали отъ Россіи и всегда
весь въ Россіи. Сорокъ лѣтъ европеецъ,
иностранецъ по мѣсту жительства, и все-
гда весь русскій, только русскій.

Чуть тѣ, у кого еще, въ нынѣшнихъ
ужасныхъ условіяхъ Россіи, осталась до-
статочная доза неразумія или наглости,
чтобы издѣваться надъ любовью къ оте-
честву, ругаются словомъ «патріотъ».
Это—какъ имъ угодно. Въ будущемъ ти-
туль Г. В. Плеханова, соціалиста изъ
соціалистовъ, гонимое слово займетъ по-
четное, яркое мѣсто и будетъ съ благого-
вѣніемъ повторяться потомствомъ, когда
прорвутъ нынѣ слѣпые глаза и отрезвѣ-
ютъ нынѣ пьяные умы. Потомство раз-
береть, что, въ чудовищную, мнимо-со-
ціалистическую эпоху, какъ будто вдох-
новляемую своимъ злымъ геніемъ, что-
бы убить всякую вѣру въ соціализмъ и
подорвать къ нему уваженіе даже въ
твёрдѣйшихъ умахъ, жиль на свѣтѣ и
страдалъ отъ свѣта могучій русскій учи-
тель истиннаго соціализма, столько же
дорогой для Россіи, какъ для Германіи—
Карлъ Марксъ. Въ руки его факель со-
ціализма горѣлъ не для поджига, но для
просвѣщенія. Онъ не выдавалъ цивили-
зацию на пролатіе дикарству, нотопилъ
въ крови и мракѣ. Для него соціализмъ
не былъ цыганской безголовщиной, вѣ-
народа и племени, но сливался въ единое
понятіе—самоопредѣленіе, съ отечествомъ,
Россіей. И, когда Россію, именемъ лже-
соціализма, предали на вражье растерза-
ние до превращенія въ ложнукое руби-

ще, этот истинный социалист умеръ отъ мучительной болѣзни, которая называется—«разбитымъ сердцемъ»...

Оскорбления, клеветы, ругань, обыски, толчки прикладомъ, допечія — Плехановъ, вѣроятно, охотно простилъ бы своимъ преслѣдователямъ: онъ былъ бодръ и любвеобиленъ... Развѣ что попросилъ бы положить съ нимъ въ гробъ наилѣпшее ругательныя клеветы, какъ нѣкогда Колумбъ завѣщалъ похоронить съ нимъ сковы, которыми Испанія отблагодарила геніального географа за открытие Аме-

рики... Не въ себя жилъ Плехановъ, а въ Россію,—и все личное онъ отпустилъ вамъ, господа, соотечественники, не вѣдающіе, что творите!.. Но убийства Россіи, которое суждено было видѣть ему, онъ простить не могъ—и не порстылъ бы, если бы жилъ еще... Нынѣ же эту великую скорбь свою онъ къ престолу Вѣчности вознесъ и на престолъ Вѣчности ее—грозною на всѣхъ насы жалобою—вложитъ...

Александръ Амфитеатровъ.